

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

*Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Санкт-Петербург, Россия
Доцент кафедры философии, кандидат культурологи**Saint-Petersburg State Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia
Associate Professor of the Department of Philosophy, PhD in Culturology
n.nikiforova@civitassolis.net***АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАСТОРАЛЬ, НЕМЕЦКИЙ ЛЕС, АЛЬПИЙСКИЕ СКЛОНЫ И РУССКОЕ ПОЛЕ: КУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ**

Статья посвящена обзору культурной истории природы как направлению, сложившемуся в европейской и американской гуманитарной традиции. Ряд исторических исследований образов природы отталкивается от концепции нации как воображаемого сообщества Бенедикта Андерсона, и анализирует формирование национальных природных символов. В статье предложен обзор работ, которые актуализируют проблематику природы как компонента национальной идентичности. Идея технологической пасторали (гармоничного сосуществования природы и культуры в ландшафте) стала ментальной основой американской культуры. Немецкий лес интерпретируется исследователями как источник мифологических значений, и как ресурс модернизации общества. Альпийские склоны, преобразованные посредством инженерных вмешательств, превратились в идеальное универсальное досуговое пространство, воспринимаемое абсолютно естественно. Художественные и литературные репрезентации русской природы анализируются через призму конструктивистского подхода, проблематизируется «открытие» особой красоты национального пейзажа.

Ключевые слова: культурное конструирование природы, воображаемое сообщество, нацио-

нальная идентичность, технологическая пастораль, средний ландшафт, немецкий лес, русское поле.

AMERICAN TECHNOLOGICAL PASTORAL, GERMAN FOREST, ALPINE SLOPES AND RUSSIAN FIELD: CULTURAL CONSTRUCTION OF NATIONAL NATURAL SYMBOLS

The article is dedicated to cultural history of nature, a field that has shaped recently in the Western humanities. A number of researches develop the concept of nation as of an imagined community and analyze the emergence of national natural symbols. The article offers an overview of works that conceptualize nature as a component of national identity. The idea of technological pastoral (harmonious combination of nature and culture in the landscape) became a mental basis for American culture. German forest is interpreted by the researchers as a source of mythological meanings, and as a resource for the modernization of society. Alpine slopes, transformed through engineering interventions, turned into an idea universal leisure space, that is perceived naturally. Artistic and literary representations of Russian nature are analyzed within the frames of constructivist approach. The “discovery”

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

of the special beauty of national landscape is conceptualized.

Key words: cultural construction of nature,

imagined community, national identity, technological pastoral, middle landscape, German Forest, Russian Field.

Введение

Статья посвящена обзору культурной истории природы как направлению, сложившемуся в европейской и американской гуманитарной традиции. В последние десятилетия утвердился взгляд на природу как на исторически изменчивый контекстуализируемый концепт. «Денатурализованная» природа представлена в постоянном процессе конструирования, изменения восприятия и классификации в соответствии с разными историческими, культурными и политическими обстоятельствами¹.

Программным текстом для так называемого конструктивистского подхода к исследованию природы и экологической истории считается статья Вильяма Кронона «Проблема с дикой природой» (Trouble with Wilderness)². Принимаемое исследо-

вателями и активистами-экологами как само собой разумеющееся, это понятие скорее является культурным конструктом, и можно проследить его развитие и трансформацию значений. В современном (модерном) обществе дикая природа стала синонимом оазиса, прекрасного острова в загрязненном море, это «антидот» цивилизации. Но, скажем, 250 лет назад в восприятии американцев и европейцев дикая, невозделанная природа обладала совсем иными коннотациями, и сопровождалась эпитетами «запущенная», «варварская», «неплодородная». Как отмечает Кронон, дикая природа не могла быть местом, куда кто-то мог бы отправиться бы по собственной воле (туда попали Адам и Ева после изгнания из Рая, там скитался Моисей и его народ), и это всегда было связано со страхом и неприятностями.

Все изменилось в конце XIX века, когда пустые земли стали казаться ценным ресурсом. То, что прежде был антитезой Рая, стало связываться в сознании с самим Раем. Это восприятие было подготовлено эстетическими теориями XVIII века, в частности теорией возвышенного Эдмунда Берка, Иммануила Канта, Вильяма Гильпина. Величественные природные ландшафты были теми пространствами, где человек мог соприкоснуться с божественным, ощутить трепет, страх и удовольствие. Идеи романтизма повлияли на восприятие американской дикой природы как священного национального мифа. Именно поэтому защита девственной природы означала охрану американского

¹ О культурном конструировании концепта природы см. The Invention of Nature. ed. by T. Bargatzky. - Peter Lang, 1994. - 282 p.; R. Ellen, K. Fukui. Redefining Nature: Ecology, Culture and Domestication. - Berg, 1996. - 664 p.; P. Dickens. Reconstructing Nature: Alienation, Emancipation, and the Division of Labour. - Routledge, 1996. - 224 p.; K. Eder. The Social Construction of Nature: A Sociology of Ecological Enlightenment. - Theory, Culture and Society., 1996 - 243 p.; Imagining Nature: Practices of Cosmology and Identity. ed. by N.O. Bubandt. - Aarhus Universitetsforlag, 2003.; Imagining Landscapes: Past, Present and Future. Edited by M. Janowski, Monica and T. Ingold. - Ashgate Publishing, 2012 - 184 p.; Re-Imagining Nature: Environmental Humanities and Ecosemiotics. ed. by A.K. Siewers. - Bucknell University Press, 2013. - 322 p.;

² W. Cronon. The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature // Uncommon Ground: Rethink-

ing the Human Place in Nature, New York: W. W. Norton & Co., 1995, 69-90

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

прошлого. Кроме того, природа казалась привлекательной, поскольку была той средой, где только и можно проявить характер и настойчивость, в то время, как цивилизация из-за доступного комфорта развращала и лишала мужественности.

Ирония, как отмечает Кронон, заключается в том, что дикая природа, понимаемая как альтернатива искусственной цивилизации, стала сама напоминать ту самую цивилизацию, от которой так хотели сбежать. Движение за создание заповедников (национальных парков) и за защиту дикой природы (так необходимой горожанам и состоятельным туристам) развивалось вслед за войнами, в ходе которых коренных жителей заставили покинуть жилища и согнали в резервации. Миф о «девственной», «нетронутой» природе соотносится с довольно жестокой реальностью. Вытеснение индейцев и создание на местах их обитания «необитаемой дикой природы» дает возможность туристам безопасно наслаждаться первозданными пейзажами, но напоминает, что в американской истории понятие дикой природы обладает конструктивистским характером.

Целый ряд исторических исследований образов природы отталкивается от концепции нации как воображаемого сообщества Бенедикта Андерсона, и анализирует формирование национальных природных символов.

Любопытно, что соотнесение нации и территории само по себе – сравнительно недавнее «культурное изобретение», как показывает Франсуа Вальтер. Он утверждает, что это соотнесение не было ни естественным, ни мгновенным, но формировалось и сменялось в соответствии с тем, что М. Фуко назвал бы дискурсивной формацией³. В античности было принято определение территории относительно характеристик населявших ее людей.

³ F. Walter, *Les figures paysagères de la nation. Territoire et paysage en Europe (16e–20e siècle)* (Paris: Editions de l'EHÉSS, 2004), 524p.

Средневековые авторы ассоциировали расовые характеристики с климатом и почвой. Еще в текстах начала XVIII века можно найти описание территорий и их соответствия обитателям (шотландские земли – дикие и неплодородные населены недисциплинированными и коварными людьми, которых Дефо уподобляет каннибалам и дикарям из далеких стран). Новацией XVIII века была идея соотносить характер нации с внешним обликом представителей страны. Во второй половине XVIII века такое понимание сменилось «эрой ландшафта» и представлением о том, что человек укоренен и неразрывно связан с конкретным пространством. С XIX века территория наряду с историей становится источником легитимации нации и формирования национальных мифов. Значимым оказалось открытие романтиками природных объектов как национальных символов, способных вдохновлять всех представителей нации вне зависимости от класса, статуса и культурного уровня.

Американская технологическая пастораль

В американской научной традиции тема конструирования национальной идеи в связи с природой и ландшафтом раскрыта, пожалуй, наиболее последовательно и развернуто. Рефлексия относительно ландшафта и дискурс преобразования земли как «второго сотворения мира» разрабатываются с XVIII века. Исследователь Дэвид Най показывает, как идея американского государства формулируется в связи с землей, ландшафтом и главное – находчивым и героическим освоением нетронутой природы с помощью новых технологий⁴. «Строительство» новой нации и формирование «новых людей» – представителей американской нации, а не европейских колоний, базируется на особом отношении к земле. Равноправное вла-

⁴ D. Nye. *America as Second Creation: Technology and Narratives of New Beginnings*. - MIT Press, 2004. - 371 p.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

дение земель явилось фундаментом социального института демократии. Также существовала непрекаемая вера в божественное предназначение переселенцев преобразовать землю, трансформировать ее, научившись подчинять себе силы природы и добывать ресурсы посредством машин. Най описывает три основных нарратива, через которые формулировалась национальная идея – борьба с местным населением и военная технология; преобразование земли и сельскохозяйственная технология; паровой двигатель как символ и локомотив прогресса, одновременно отвечающий за сохранение стабильности.

Специфически американской «находкой» считается поиск компромисса между счастьем на лоне дикой природы и властью технического прогресса. основополагающая работа, представляющая ревизию элементов национального нарратива – книга Лео Маркса «Машина в саду: Технология и пасторальный идеал в Америке»⁵ – показывает, как через литературу оформлялись идеи, воспроизводящие очевидности национального дискурса. В американской литературе XIX века клишированным стал образ вторжения технологических объектов в безмятежное природное пространство. Именно литература, по мнению Маркса, оказалась ответственна за поиск компромисса между природой и технической цивилизацией. И такой компромисс был найден: это то, что Маркс назвал «средним ландшафтом». Средний ландшафт (та самая «машина в саду») сочетал в себе естественность дикой природы и следы или артефакты цивилизационной деятельности человека, он, по мнению Л. Маркса, стал новой «специфически американской постро-мантической индустриальной версией пасторали»⁶.

Сама тема столкновения природы и машины не является монополией американской литера-

туры, однако найденный компромисс – обретение «среднего ландшафта» – это результат работы американской интеллектуальной элиты второй половины XX – начала XXI в. Если в XIX веке пасторальный компонент не был предметом специального анализа, скорее относился к сфере очевидного, то в современных исследованиях эта тема оказалась проблематизирована. Сверхшавшееся в литературе осознание сущности национального было связано с поиском исторической судьбы государства, с вычленением важнейших личностных характеристик (национального характера), обеспечивающих исполнение этой миссии⁷.

Истоки американского национального дискурса американские исследователи связывают с топикой пасторали, которая послужила проводником к открытию дикой природы Нового Света как «источника национальной гордости, культурного и морального ресурса» национального самосознания⁸. По мнению Л. Маркса, «пасторальный идеал... позволил нации продолжить определять свою цель как стремление к сельскому счастью, посвятив себя при этом продуктивности, богатству и власти (productivity, wealth and power)»⁹.

Осмысление эстетических качеств искусственных и технических объектов на лоне природы привело к оформлению концепта «механизированной пасторали» – инженерно освоенного и благоустроенного ландшафта. В версии гармонического сосуществования природы и культуры «механизированная пастораль» может быть уголком дикой природы, снабженным комфортными смотровыми

⁷ Никифорова Л.В. Технологическая пастораль: американский пасторальный идеал и его архитектурно-пространственная репрезентация // Человек: образ и сущность 2011 год, №2011, с. 226 - 243.

⁸ Нэш Р. Дикая природа и американский разум. - Киев: КЭКЦ, 2002 // Электронный ресурс [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Nash/04.php] (5.02.2015)

⁹ Marx L. Op. cit. P. 226.

⁵ L. Marx. The Machinen in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America. - Oxford, 2000, 1964. – 430 p.

⁶ Ibid, P. 32.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

площадками и безопасными подъемниками. Такие места, будучи благодаря инженерному искусству безопасными, сохраняют, между тем, иллюзию дикости. Ранним примером такой «механизированной пасторали» можно считать Ниагарский водопад, который уже с 1860-х годов стал популярным туристическим объектом. Здесь важна не только эстетизация природы, но и сама возникающая благодаря благоустройству иллюзорность дикости, естественности, свойственная классической пасторали¹⁰.

В 1930-х в США возникла и была активизирована экологическая политика: на фоне сложного экономического положения страны был взят «новый курс», во многом были пересмотрены взаимоотношения общества и природы, тематизировались идеи дикой природы, среды обитания¹¹. Это время стало периодом серийного воспроизводства пасторальности. Одним из примеров можно считать проект развития региона под руководством компании TVA (Tennessee Valley Authority) – индустриальные методы позволили сотворить новую технологическую пастораль. Через новую ревизию национальной идеи и проблематизацию очевидностей американская нация обрела пасторальность в качестве ментального основания культуры.

Ландшафт и немецкая национальная идея

В немецкой историографической традиции также сложился дискурс национальной природы. Новая тенденция немецких исторических исследований сводится к реконтекстуализации немецкой

национальной идеи и идеи модерна (modernity) XIX и XX веков в связи с восприятием природы. Этот корпус исследований развивает традицию рефлексии относительно нацистской катастрофы.

Во вступлении к своей книге Томас Лекан задается вопросами: как нация, которая подарила миру Каспара Давида Фридриха и Генриха Гейне, могла также породить Гитлера, является ли теория «крови и почвы» извращением романтических идеалов восприятия природы, или сам романтический мистицизм послужил причиной этой концепции? В книге рассматривается история экологических движений с середины XIX века до середины XX века и то, как трансформировались культурные интенции, политические цели и их народное восприятие¹². Лекан рассматривает зарождение движений в защиту природы в XIX веке, «милитаризацию природы» и оформление концепта Heimat в период Первой мировой войны, трансформацию ландшафта с помощью новых технологий, переопределение понятия ландшафта в понятие жизненного пространства в нацистский период. Укорененность в ландшафте осознавалась и во времена империи, и во времена Третьего Рейха, при этом цели охраны природы, концептуальный аппарат и сама трактовка «природного» и «естественного» могли меняться в зависимости от политических тенденций. В отличие от США, где историю экологических движений вспоминают с гордостью, в Германии она нагружена моральными смыслами, поскольку активисты в борьбе за природу от угроз модернизации в большинстве своем были яркими сторонниками национал-социализма.

Ранние движения в защиту природы не столько боролись с индустриальными отходами и ратовали за чистоту воздуха, сколько волновались из-за того, что с искажением ландшафта деформи-

¹⁰ Никифорова Л.В. Указ. Соч.

¹¹ Об экологической политике США 1930х см. Jeff Crane. The Environment in American History: Nature and the Formation of the United States. Routledge, 2014 - 454 p.; А.А. Алимов, И.А. Меренков Истоки экологической политики США: вклад Теодора Рузвельта в ее становление и развитие//Общество. Среда. Развитие., №4. - СПб.: Астерион, 2014., - С. 158 – 162.

¹² T. M. Lekan. Imagining the Nation in Nature Landscape Preservation and German Identity, 1885-1945. Harvard University Press, 2004. - 334 p.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

руется немецкий национальный характер. Именно благодаря этим активистам состоялось «культурное конструирование нации через представление природных объектов в качестве ориентиров эмоциональной идентификации, символов долговечности, и знаков нового экологического сознания»¹³.

По мнению Лекана, «милитаризация природы» усиливала ценность домашнего уюта, укрепляла смыслы концепта *Heimat*, который был связан с идеей стабильности, привязанности к дому и красоте пасторального пейзажа. Все эти смыслы делали жертвы, приносимые солдатами на войне, оправданными¹⁴.

В нацистский период Лекан обнаруживает гармонизацию экологических настроений и крупных государственных промышленных проектов. Эти идеи синхронизировались в «модерном терапевтическом ландшафтном планировании» и тонком и точном вписании технических объектов в пейзаж (например, автобаны)¹⁵.

Джеффри Вилсон показывает, как в течение XIX века формировалось символическое наполнение концепта «немецкий лес»¹⁶. Лес в сознании немцев связан с древними архаичными домодерными смыслами – это волшебный защитник, позволивший Арминию разгромить армию Вара. Но, как показывает Вилсон, идея немецкого леса – это не просто национальная мифологема, но также инструмент утверждения капитализма, модернизации и охраны природы.

Огромное количество путеводителей, журналов, научной и публицистической литературы

появилось в середине XIX века, и эти тексты фокусировались на значимости и ценности леса, служили национальному единению с точки зрения географии и истории. Эти тексты создавали «места памяти», связанные с лесом. Описание «природных памятников» (вековых деревьев), наподобие рукотворных, а также литература, позволяющая «посетить» леса, даже если читатель не может туда поехать – все это делало идею «немецкого леса» более осязаемой, дополняло мифологические смыслы реальными примерами.

Осознание леса не только как эстетического символа, но и важного экономического ресурса спровоцировало выступления за ограничение публичного доступа в леса. Это, в свою очередь, повлияло на возникновение контр-движений за охрану лесов от индустриального воздействия, за обеспечение доступа в леса для всех членов немецкой нации. По мнению Вилсона, активисты апеллировали к абсолютно современным категориям – пользе леса для изможденных горожан, угрозе утраты национального символа. Еще одна иллюстрация использования идеи «немецкого леса» для совершенно современной цели – организация парка в предместьях Берлина (*Grünwald*) на месте правительственных зданий. Для поддержания здоровья и морального духа горожан было решено отказаться коммерческого использования территории.

Вилсон рассматривает практики охраны леса в Восточной Пруссии с точки зрения модернизации. Там владельцы лесов боролись с браконьерством, поджогами и вырубкой лесов со стороны местного населения. Вилсон сравнивает эти действия с действиями колонизаторов в Африке и Азии – строго упраздняя практики, свойственные местному населению на протяжении нескольких веков, немецкие лесоводы были уверены, что несут цивилизацию несчастным варварам¹⁷.

¹⁷ Tom J. Arnold . Two Roads Diverged in a Wood: Questions about Germans, Their Forests, and the Path of German

¹³ Там же, С. 5.

¹⁴ Там же, С. 79.

¹⁵ Dieter K. Buse. Regionalism in Ecological History // H-Net Reviews. Электронный ресурс [http://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=10447].

¹⁶ Jeffrey K. Wilson. The German Forest: Nature, Identity, and the Contestation of a National Symbol, 1871-1914 (German and European Studies), Toronto: University of Toronto Press, 2012. - 326 p.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

Тема технологического преобразования ландшафта как ресурса национального воображения наиболее последовательно раскрыта в американской гуманитарной традиции, однако последние работы по немецкой истории также обращаются к этой теме. Работа Дэвида Блэкбурна прослеживает становление немецкого национального сознания в связи с научным и техническим «приручением природы»¹⁸. Отправной точкой были проекты Фридриха Великого, демонстрирующие, как немцам удалось справиться с болотистыми заросшими речными берегами. Контроль над Рейном позволил снизить риск наводнений и малярии, и превратить эту реку в коммерческую артерию. Позднее паром стал символом технического развития и «золотого века» Германии, когда патриотизм и вера в прогресс дополнялись все большей властью над природой. Строительство каналов, портов, железных дорог, развитие всей транспортной системы влияло на увеличение скорости и «уменьшение» мира. Путешествия в экзотические страны, став доступными, постепенно превратились в норму и утверждали «империализм воображения». В финальной главе Блэкбурн показывает, что нацистская расовая политика опиралась на идеи о возможности приручить и получить власть над природой.

В упомянутой работе Томас Лекан отмечает, что проекты по ландшафтному планированию и созданию автобанов в нацистской Германии строились на гармонии природного, инженерного и социального. В послесловии Лекан отмечает, что необходимо оценить современные практики «работы с природой», и что гораздо более перспективно сравнивать американский и немецкий опыт строи-

тельства, организации заповедников и охраны природы в 1930-х, чем снова и снова утверждать, что немецкие экологические инициативы связаны только с романтизмом и нацизмом. Конструкторы автобанов старались переплести природу и технологию в единое целое также, как американские инженеры вписывали технические объекты в ландшафт¹⁹.

Преобразование альпийского пейзажа в эпоху модерна

Для эпохи модерна характерно переосмысление взаимоотношений человека, технологии, науки и природы, трансформация эстетических представлений. Один из главных принципов модерна – отделение природного от социального и утверждение природы как «другого» по отношению к технологичному рациональному миру. Однако технология преобразует природу таким образом, что создается новое гибридное пространство, воспринимаемое совершенно естественно. Такая гибридизация характерна для городского ландшафта (где природа маскируется технологией, превращается в товар и словно отчуждается от горожанина), для мест досуга (где технология становится посредником между ландшафтом и потребителем). Ценности модерна тематизируют идею природы, и через соединение природного и искусственного создают новый ландшафт, и новое восприятие. Это элегантно показывает Эндрю Деннинг в работе, посвященной тому, как изменился альпийский пейзаж в связи с развитием горнолыжной индустрии²⁰. В данном исследовании технология выступает медиатором в «отношениях» между лыжником и горой. Из-за того, что горнолыжный спорт становил-

History // H-Net Reviews. Электронный ресурс [http://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=36911] (10.02.2015).

¹⁸ D. Blackbourn. The Conquest of Nature: Water, Landscape, and the Making of Modern Germany, Jonathan Cape 497 p.

¹⁹ Т. М. Лекан. Указ. соч.

²⁰ A. Denning. From Sublime Landscapes to “White Gold”: How Skiing Transformed the Alps after 1930 // Environmental History (2014) 19 (1). Oxford University Press. - P. 78-108.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

ся все более популярным, возникла потребность инженерного преобразования горных склонов, чтобы добиться большей безопасности, скорости и комфорта. Автор отмечает, что с мощным развитием горнолыжных технологий зависимость этого спорта от окружающей среды не стала меньше.

В доиндустриальном обществе человек познавал природу преимущественно через выполняемую работу. В современном обществе с развитыми технологиями и урбанизацией это «знакомство» сместилось в сферу досуга. С течением времени лыжники стали «потреблять» Альпы (затем и другие горы), трансформировать социо-экономические взаимоотношения, культурные идентичности и само восприятие ландшафта.

Популярность горных лыж возросла в конце XIX века отчасти потому, что европейцы среднего класса идеализировали «естественный» альпийский пейзаж в противовес механизированной цивилизации. Горные лыжи (по-английски именно Alpine skiing), в отличие от беговых лыж (Nordic) позволяли комбинировать романтические представления о возвышенности природы и современный интерес к скорости. Постепенно горные лыжи превратились в индустрию. Интерпретации и цели разных сторон – бизнесменов, горнолыжных ассоциаций, представителей правительства, туристов, местных деревенских жителей – привели к рациональной и технологичной трансформации природного пейзажа. Применение технологии не отделило лыжников от природы, а через реконцептуализацию самого ландшафта и снега как «золотого ресурса индустрии» превратили Альпы в «органическую машину досуга».

Нужно отметить, что в 1930-е туристы испытывали грусть от того, что горы все больше наполняются следами цивилизации – это искажало вековой ландшафт и превращало Heimat в спортивную площадку. И постепенно дикие горы, «средство ухода» от цивилизации, превратилось в

универсализованный конформный международный «альпийский пейзаж», преобразованную природу, способную подстроиться под требования скорости, безопасности и легкости доступа на вершину. Вообще сама скорость создала новую «модерновую оптику» восприятия горного пейзажа. В послевоенный период повсеместное внедрение горнолыжных подъемников интенсифицировало компрессию времени и пространства и демонстрировало, насколько значима технология (а не ее отсутствие) для спорта. Установка подъемников служила демократизации спорта – устраняла физические и психологические барьеры. К тому же сеть подъемников создавала новый эстетический современный пейзаж, отсылающий к идеям прогресса и роскоши.

Примечательно также, что постепенно дело дошло до того, что на склонах горнолыжных курортов не осталось ничего натурального: с помощью инженерных приемов естественные поверхности гор были «избавлены от дефектов».

Поскольку безопасность была необходима также, как сами склоны и снег, ей уделяли огромное внимание. С определенного момента руководители курортов стали заниматься управлением лавинами – с помощью взрывчатых зарядов, выпускаемых из пушек или сбрасываемых с вертолетов. Эти защитные приемы превратили альпийские склоны в поле боя. Также возводились специальные барьеры и заборы, призванные «заблокировать» или канализировать снежные потоки, чтобы защитить лыжников. Некоторые критики отмечали сходство противолавинных барьеров и противотанковых заграждений времен Второй мировой войны.

Главным ресурсом и конкурентным преимуществом для горнолыжной индустрии Деннинг называет снег, это «белое золото». Ранние инициативы по «управлению» снегом предполагали перемещение снега из отдаленных районов на склоны

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

курортов. Поворотным эпизодом в истории горных лыж считается так называемое «Чудо Иннсбрука», когда при подготовке к Зимним Олимпийским играм 1964 года, опасаясь недостатка снега на соревнованиях, мэр Иннсбрука принял решение использовать сотни солдат, чтобы перетащить 19000 кубических метров снега на склоны. Индустриальный характер горнолыжного спорта привел к тому, что теплая зима могла стать экономической угрозой существованию курорта.

В результате курорты послевоенного периода были заиклены на обязательном обеспечении снегом (snow security). Отсутствие снега представлялось чуть ли не большей катастрофой, чем сход лавины. Курорты должны были убедить потребителей в стабильности наличия снега, чтобы те бронировали места заранее. Горнолыжные курорты не желали оставлять «снежный вопрос» на милость природы, и инвестировали в технологии искусственного снега. Изобретение в 1950-х так называемой снежной пушки обещало преодоление природных недостатков с помощью человеческой изобретательности. Природные условия могли ухудшаться, но курорты теперь могли предложить снег «à la carte».

Рост популярности горнолыжного спорта после 1930 г. трансформировал досуговые практики и превратил этот род занятий в прибыльную индустрию. Но прежде, чем горные лыжи стали столпом альпийской экономики, сам альпийский ландшафт был преобразен.

Российская национальная идентичность в художественных репрезентациях природы

На российском материале уже реализован ряд исследований в ключе экологической культурной истории, продолжающих интерпретацию механизмов культурного конструирования нации. В настоящем разделе представлен обзор работ, кото-

рые анализируют художественную рецепцию природы в российской истории и механизмы закрепления и мифологизации национальных природных символов, интерпретируют тонкую взаимосвязь русских с физическим и географическим пространством, и то, каким образом эта сложная взаимосвязь проявилась в культуре.

Исследование Кристофера Эли показывает, как российская элита успешно превратила то, что прежде воспринималось как «скудность» русского ландшафта в источник национальной гордости и эмблему красоты особого типа²¹. По мнению исследователя, российская элита «научилась» восхищаться пейзажами своей страны. На протяжении XVIII века и до середины XIX пейзажная живопись в России воспроизводила европейские образцы. Только в тот момент, когда чувство национальной идентичности стало актуальной культурной необходимостью, российская эстетическая традиция порвала с западными нормами и создала собственные каноны.

Прежде, чем многие страны начали восхищаться своей национальной природой, эстетичность и красоту видели только в итальянских пейзажах. Открытие «другой» природы, отличной от возрожденческих и классических итальянских канонов состоялось во многом благодаря оссианической традиции восприятия Севера²². Русские художники и интеллектуалы XIX века «увидели» северную природу благодаря образам Финляндии., представленным К.Н. Батюшковым или Ф.Н. Глинкой. Они описывали особую красоту северного края, где гранитные скалы, сосны, море, буквально хранили следы «почивших витязей», «непо-

²¹ Christopher David Ely, *This Meager Nature. Landscape and National Identity in Imperial Russia* (DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2004), 289 p.

²² Никифорова Л.В. Образ Финляндии в русской романтической традиции: к вопросу об историко-культурных корнях «северного модерна» // *Общество. Среда. Развитие.* №4 (17). - СПб.: Астерион, 2010. - С. 107 - 111.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

бедимых сынов первобытной природы». Они вдохновлялись не только и не столько реальными впечатлениями, сколько литературными и культурно-историческими реминисценциями. Русские поэты были «подготовлены» к встрече с «девственной природой скалистого севера» поэмами Оссиана Дж. Макферсона. Древний Север в начале XIX в. мыслился духовным и этнографическим единством, в которое включались Русь, Финляндия, Скандинавия, Ирландия, Шотландия и даже Северная Америка. Так, путешествие в Финляндию воспринималось не только как перемещение в пространстве, но и во времени. Например, академику А. Парроту, путешествовавшему к Иматре в 1843 г., финская природа напомнила эпоху «войны богов с гигантами, когда жители Олимпа и дети Земли перекидывались огромными скалами».

Кристофер Эли отмечает, что причина позднего формирования собственной пейзажной традиции во многом заключается в том, что российский ландшафт в отличие от европейского бесконечной плоский, с разбросанными по нему убогими деревушками, монотонной растительностью и с суровым климатом – все это было помехой, которую необходимо было преодолеть²³. Создание культа русского пространства заключалось в переосмыслении всех недостатков природы и их представления как прекрасного.

Эли прослеживает хронологически трансформацию восприятия русского пейзажа европейскими путешественниками в XVIII веке. В литературе, травелогах, поэзии, живописи того времени российская природа была представлена как пространство парадоксов и неоднозначности, как нечто прекрасное и мрачное одновременно. Последние главы предлагают тонкий анализ работ пейзажистов и произведений писателей второй полови-

ны XIX века до начала XX, их взаимопроникающих тем и сюжетов. Среди прочих автор обращается к стихам Тютчева (из его стихотворения Эли позаимствовал фразу «скудная природа» для названия книги). Стих А.Н. Плещеева «Отчизна» (1862), по мнению Эли, в концентрированном виде представляет развитие русской мысли о собственном ландшафте²⁴.

К. Эли анализирует работы Шишкина, Левитана, Саврасова, где нет людей или следов цивилизации. Благодаря этому, создается живописное пространство в котором горожане могли как будто бы видеть природу такой, какой ее видит русский крестьянин²⁵. Таким образом, ландшафт и его визуальная репрезентация позволяли стереть социальные границы и восхищаться красотой родины всем, вне зависимости от класса и статуса.

Текст Эли продолжает и развивает идеи Жоржа Нива, предложенные в статье «Миф русского пейзажа»²⁶, в которой он пишет о формировании русского национального чувства в связи со специфическим национальным пространством. Европейская романтическая традиция научила русских художников и публику тонко чувствовать природу. Но непосредственно миф русского пейзажа связан с культом пространства. У истоков этого мифа – гоголевские «мертвые души». Живопись была ответственна за кристаллизацию этого ощущения пространства и природы. Русская пейзажная живопись испытала влияние немецких и французских художников, но выработала собственную особенную манеру, «тип меланхолического пейзажа, неотделимого от духовного контекста». Художники поэтизировали простоту и невзрачность природы, и тем самым реализовывали славя-

²⁴ С. Ely, Указ. соч. С. 155.

²⁵ С. Ely, Указ. соч. С. 217.

²⁶ Нива Ж. Миф русского пейзажа / Ж. Нива // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / Пер. с фр. — М.: Высш. школа. 1999. С. 12-26.

²³ Catherine Brice. Building Nations, Transforming Landscape // Contemporary European History, Vol. 16, Issue 1, 2007, P. 109 - 119.

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

нофильскую формулу «внешняя скудость - потаённое богатство» - чем беднее на первый взгляд русское пространство, тем более значительные духовные богатства оно хранит и обещает. Эстетические принципы «видения» природы были восприняты в литературе (Цветаева, Паустовский, Тютчев, Есенин). Через переключку литературы и живописи развивался миф смиренного русского пейзажа, хранящего сокровища за внешней унылостью. Пространственно-пейзажный миф, по мнению Нива, должен был выработать особую «евразийскую» образность, отличную от европейской – таинственную, героическую, мистическую.

Лес в той же степени, что и поле, степь, связан с российским национальным сознанием, он стал источником мифов и организовал вокруг себя культурные практики. Значению леса и его художественных репрезентаций посвящено недавнее исследование Д. Костлоу²⁷. Как и Кристофер Эли, Костлоу отмечает принципиальные различия в традициях русских, американских и европейских писателей и художников изображать ландшафт. Ландшафт западно-европейской части России отличается от того, что изображал Каспар-Давид Фридрих или описывал Перси Биши Шелли, удивительной непримечательностью. Кроме того, знакомство, взаимодействие с природой у русского человека в большей степени осуществляется через опыт и практическое знание, и это также влияет на способы воображения и репрезентации. Ключевым в изображении природы для Костлоу также являются парадоксальность и двойственность²⁸.

Образ леса конституируется из самых разных опытов, впечатлений и значений. Отправной

точкой размышлений о лесном пространстве для Костлоу становятся тексты Тургенева, известного американским интеллектуалам. По ее мнению, Тургенев – зачинатель русской «лесной» литературной традиции, именно он показал, что лес – это особое магическое пространство, где соединяются языческие и православные представления. Лесная опушка – особое пограничное пространство, мистический топос, где может происходить и нечто восхитительное, и захватывающее, и страшное. Лес – многомерное многозначное пространство, «общезитие», «топография памяти, восприятия и физической реальности», одновременно физическое место и дискурс.

Иконический образ русского леса показан в романе Мельникова-Печерского «В лесах». Этот текст, по Костлоу – вариант славянофильской ностальгии, предлагающий образ «суррогатной лесной России», где время останавливается, а древние религиозные практики сплавляются с христианскими. Одна из ключевых тем в рефлексии о русском лесе – возможность попасть, или хотя бы увидеть, старинную, исконную «кондовую Русь» (сочетание «кондовая Русь» из романа Мельникова-Печерского Костлоу использовала в названии – Heart-Pine Russia). Парадоксально, что Мельников-Печерский непосредственно встречался с представителями старообрядческих сообществ, которые описаны в его художественных произведениях, и целью его служебных взаимодействий с ними было документирование сокращающегося количества, и работа по их ассимиляции.

Значительная часть книги посвящена дебатам вокруг «лесного вопроса». Интерпретируя это, Костлоу показывает, как переплетались научные источники, литература и живопись. Она показывает, как, в том числе, через художественные репрезентации (в частности, «Голодный год» Короленко), складывалось современное экологическое сознание и понимание природного кризиса. Костлоу

²⁷ Heart-Pine Russia: Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest by Jane T. Costlow

²⁸ Review of Heart-Pine Russia: Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest (Jane T. Costlow) by Killian Quigley. Электронный ресурс [http://makemag.com/review-heart-pine-russia-by-jane-t-costlow-2/] (10.02.2015).

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

неожиданно представляет Репина как художника, озабоченного проблемой уничтожения лесов (картина «Несение креста»). Анализ лесного вопроса, и восприятия этой проблемы продолжается на примере «экологической этики» Толстого (Братья Карамазовы и Анна Каренина).

Приведенные здесь исследования культурной истории природы в России вызывают в памяти наблюдения, предложенные немецким историком и культурологом Ларри Вульфом. Он показал, что нет ничего «естественного» в привычном нам разделении континента на Западную и Восточную Европу²⁹. «Философская география» эпохи просвещения заложила основы снисходительного, любопытствующего цивилизованного взгляда на Россию и ее природу. Оптика европейских путешественников XVIII века во многом определялась стереотипическими литературными образами, и создавала в воображении пространство, полное парадоксов (богатство и бедность, лед и пламень, восточные черты и европейская цивилизованность), вызывающее недоумение. Примечательно, что многие работы о России и Восточной Европе создавались авторами, никогда не бывавшими в России (например, Вольтер). Дальнейшие литературные произведения и травелоги закрепляли и воспроизводили общепринятые клише. Анализ культурного восприятия и «открытия» российской природы в XIX веке, предложенный западными коллегами, также может быть интерпретирован как воспроизведение стереотипического видения России.

Заключение

Культурная и социальная проблематика исследования природы и окружающей среды прочно укрепилась в повестке дня сегодняшней гумани-

стики. География данного подхода расширяется, вопросы культурного конструирования природы, начатые в американской и европейской традициях, развиваются на других континентах³⁰.

В последние годы возросло количество публикаций со словами «природа», «нация» и «ландшафт» в заголовках. Эти исследования – продолжение дискуссии о нации как воображаемом сообществе. В рамках концепции Бенедикта Андерсона, нация – конструкт, культурный артефакт) появившийся вслед за Великой французской революцией и связанный с идеей модерна. В XIX веке происходит «открытие» национальных природных символов. Эстетическая рецепция была подготовлена особой красотой природных образов Севера, во многом – оссианической традицией, искусством эпохи романтизма и философской категорией возвышенного.

Осознание национальной специфики природы происходит в эпоху модерна. В этот период природные ландшафты радикально преобразуются, трансформируется также само восприятие, «видение» природы. Инженерно преобразованные пространства начинают восприниматься как «естественные», и технологические объекты постепенно становятся неотъемлемыми и ожидаемыми элементами пейзажа. Наибольшей рефлексии технологизированные природные пространства подверглись в американской научной традиции, где было выработано понятие «среднего ландшафта» – национального символа технологической пасторали,

²⁹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. - М.: Новое литературное обозрение, 2003.

³⁰ Например, книга под редакцией Хеллаин Селин расширяет географию культурной экологической истории и предлагает взгляд на интерпретацию природы в неевропейских культурах. Эссе, включенные в сборник, описывают религиозные импликации восприятия природы и ландшафта, культурные различия в практиках охраны природы. [Nature Across Cultures: Views of Nature and the Environment in Non-Western Cultures (Science Across Cultures: The History of Non-Western Science). Ed. by H. Selin, Springer Science & Business Media, 2003 - 481 p.]

Наталья Владимировна НИКИФОРОВА / Natalia NIKIFOROVA

| Американская технологическая пастораль, немецкий лес, альпийские склоны и русское поле: культурное конструирование национальных образов природы / American Technological Pastoral, German Forest, Alpine Slopes and Russian Field: Cultural Construction of National Natural Symbols |

идеального сосуществования природного и культурного.

Вопросы культурной истории природы являются релевантными для российской культурологии. Применение предложенных методологических подходов к российскому материалу представляется

перспективным. Анализ некоторых западных работ по культурной истории природы в России показал, что сама историографическая традиция может быть проблематизированной и культурно сконструированной.

